

16 марта 2011 г.

Отец Гермионы был тихим, прагматичным человеком. Его любовь к виски, джазовой музыке и живописи не сочеталась с консервативным характером.

До того как представитель Хогвартса доставил письмо, которое изменит ход жизни Гермионы, она проводила ранние вечера, наблюдая, как отец работает над своим любимым делом.

Своим ремеслом.

После долгого дня он переодевался в брюки, наливал себе палец виски и удалялся в свою комнату для рисования, пока мама готовила ужин по кулинарной книге Джулии Чайлд, заменяя ингредиенты, которые ей были не по зубам. Ее телефон всегда был прижат к уху, когда она болтала с друзьями, близкими и далекими; ее смех раскачивал шнур, который спиралью тянулся через всю кухню.

Гермиона переодевалась в удобную одежду и садилась в кресло, поджав под себя ноги, - всегда с какой-нибудь книгой. Отец расспрашивал её о том, как прошёл день, что касалось её оценок и заданий, и позволял ей болтать, пока он готовил свои краски и давал соответствующие комментарии. Гермиона поняла, что разговор окончен, когда он впервые отпил глоток, включил старый проигрыватель, который был у него еще с университета, и взял в руки кисть.

Ее отец никогда не брал ни одного урока. И это было видно.

Его работы были ужасны, но его это никогда не волновало.

Не волновало это и ее.

Что заставляло Гермиону возвращаться каждый день, так это то, что происходило в самое странное время.

Виски тут ни при чем - она все равно была недостаточно взрослой, чтобы пить. И музыка тут ни при чем: она не любила джаз так же, как не любила Селестину Уорбек. И он не был искусным художником, но иногда, когда ее отец погружался в туманные полутона фортепиано, а саксофон и певец успокаивали его душу, потягивая стакан янтарного ликера, он делал широкие мазки кистью и занимался чем-то необычным: разговаривал.

Не о чем-то конкретном, а просто о том, что приходило в голову.

Если не было футбольного матча, ее отец был тихим и задумчивым человеком, отнюдь не общительным, у него было всего несколько близких друзей. Всегда думающий и наслаждающийся спокойствием собственного разума, пока он не был готов взаимодействовать с остальным миром, его было трудно узнать.

Именно эти маленькие проблески открытости и запомнились Гермионе на долгие годы. Она хранила их в своем сердце и использовала во время долгой охоты за крестражами.

Именно в такие моменты ей казалось, что она знает своего отца лучше всего.

В основном он давал советы о жизни: Оставайся верным себе. Не переставай учиться и расти.

Эти советы она запомнила на долгие годы: Создавай уверенность, но оставляй место для неожиданностей.

Он рассказал ей о ее бабушке и дедушке, которые умерли еще до ее рождения: У тебя волосы моей матери и дух моего отца.

Он рассказывал истории о ее маме, когда они встречались: Твоя мама сидела рядом со мной в школе и беспрестанно болтала. Я поцеловал ее в первый раз только для того, чтобы она замолчала.

Иногда он рассказывал ей истории о себе, которые она не помнила: Когда ты была расстроена, все дверцы шкафов открывались и закрывались. Думаю, мы всегда знали, что ты особенная.

Но в очень редких случаях он говорил о пустяках, которые в итоге становились чем-то.

"Любовь никогда не бывает такой, какой мы ее ожидаем". Она вспомнила одно лето, когда на проигрывателе играла Билли Холлидей. "Она причудлива, загадочна и ни для кого не имеет смысла. Как вы думаете, почему так много людей пишут песни на эту тему? Меняют ради этого свою жизнь?"

Теперь, когда ее родители вышли на пенсию, а их прибыльная практика была продана, отец по-прежнему рисовал и слушал джаз на том же проигрывателе, когда они не были в разъездах.

Но он больше не показывал ей частички себя. Больше не рассказывал ей истории.

Не так, как раньше.

Это была еще одна вещь, которую изменило время и все увеличивающееся расстояние между Гермионой и ее родителями. Но его молчание не мешало ей сидеть с ним во время визитов; не мешало наблюдать за ним, как когда-то, с книгой на коленях, слушая музыку, которая ей, взрослой, по-прежнему была безразлична.

Это не мешало ей ждать новой возможности увидеться с ним.

Мастерство ее отца значительно улучшилось, когда у него появилось больше времени, чтобы посвятить его ремеслу... и он начал брать уроки. Его стиль представлял собой смесь абстрактных, геометрических, многослойных рисунков, которые он начал показывать друзьям, а не выбрасывать. Он даже продал одну или две.

Он никогда не предлагал свою картину, а она никогда не просила.

Как и все остальные, в тот день занятия живописью закончились тем, что ее мать позвала их на ужин.

Гермиона ежемесячно ужинала вместе с ними, чтобы не дать семье окончательно рухнуть к ее ногам.

Как они дошли до такого?

На самом деле она знала.

Все началось с того, что она вернула им память и со слезами на глазах пыталась объяснить все, в том числе и то, почему они оказались в Австралии. Хотя они поняли причину ее выбора и простили ее, они предпочли остаться в Австралии. Единственной формой их общения были ежемесячные телефонные звонки, в которых они вежливо приглашали ее в гости, а Гермиона вежливо отказывалась. Она знала, что они не имели в виду ничего такого.

Они вернулись в Англию шесть лет назад, чтобы помочь ей справиться с кризисом, но вред уже был нанесен. Разрыв между ними был слишком велик. Тем не менее Гермиона продолжала усердно стараться, питая надежду, что однажды она закончит строительство моста, который сократит расстояние между ними.

Сегодняшний ужин состоял из жареной курицы и вареной капусты, которую она вырастила на своем огороде.

Ее мать была не лучшим кулинаром. Она не любила следовать рецептам и часто упускала важные ингредиенты. Иногда ее переделки срабатывали, но иногда, как сегодня, - нет. Ее отец привык к этому, его вкус с годами выработался, поэтому он безропотно ел сухую курицу и пережаренную капусту. Как послушная дочь, Гермиона последовала его примеру, но постаралась оставить достаточно места для десерта.

В этом ее мать преуспела, и Гермионе очень понравился ее пудинг с хлебом и маслом.

"В следующий раз, когда ты придешь на ужин, - сказала мать, когда они ели, - обязательно выбери день, когда Рон сможет прийти с тобой. Он такой милый человек и очень забавный". Она хихикнула по-матерински, что напомнило ей миссис Уизли, когда та думала о чем-то приятном. "Думаю, он любит мой десерт так же сильно, как и тебя".

И это стало предметом их самого большого разногласия на сегодняшний день.

"Мам, - простонала Гермиона, нарезаая курицу. "Мы просто друзья".

Это было все, чем они могли бы быть.

Они с Роном дошли до того, что были в разлуке дольше, чем вместе, но мать все еще не смирилась с этим. По правде говоря, Рон тоже, что еще больше усложняло ситуацию, ведь их жизни были сильно переплетены. Он был ее лучшим другом, его семья была похожа на ее собственную, и поэтому он всегда будет важной частью ее жизни.

Только не так, как ему хотелось бы.

Прошло три года, прежде чем Гермиона поняла, что, помимо того, что они не очень подходили друг другу и имели совершенно разные интересы и мнения практически обо всем, Рон хотел засунуть ее в коробку, в которую она не могла поместиться. В коробку, из которой он мог бы вынуть те части, которые ему нравились в ней, и оставить все остальное.

Он был традиционен. Он хотел, чтобы она взяла на себя те роли, которые ей были неинтересны.

А ей нужен был партнер, а не проект.

Гермиона устала извиняться за то, какая она есть, и сдерживать себя, чтобы избежать споров. Даже зная, что идеальных отношений не бывает, Гермиона чувствовала, что соглашается, а не идет на компромисс. И это грызло ее. Оно не давало ей покоя до тех пор, пока она не перестала заставлять себя бороться за то, чего в конечном итоге не хотела.

"Я знаю, но он был так хорош для тебя".

Гермиона не согласилась.

Переведя взгляд на отца, который продолжал жевать, притворяясь помолвленным, Гермиона могла поклясться, что заметила намек на его несогласие. Трудно было сказать, но ради сохранения мира она сменила тему.

"Как прошло Марокко?"

Она слушала, как ее мать рассказывала об их поездке, а отец изредка давал комментарии, которые обычно сводились к тому, что он поправлял ее легкие преувеличения с нежным выражением на лице. В конце концов, так было принято у ее матери. Она всегда была острой и живой, тем более сейчас, когда стала старше. Она говорила руками, и хотя казалось, что она

погружена в свои истории, мать всегда следила за их реакцией.

"В начале июня мы едем в Грецию. Мы собираемся остановиться у воды".

Теперь, когда у них появилось время и финансовая свобода, они много путешествовали. Они всегда ездили куда-нибудь в теплые края, потому что годы жизни в Австралии приучили их к этому.

"Звучит прекрасно".

Ее мама подала отцу еще одну порцию курицы. "Когда ты в последний раз брала отпуск?"

Гермиона почесала висок. "Я ездила в Мадрид с несколькими друзьями".

Больше трех лет назад - до того, как Джинни забеременела вместе с Лили, чтобы путешествовать.

"Это здорово". Ее отец кивнул, отпив воды. "Путешествия полезны для здоровья".

И на этом он закончил.

Ужин продолжался, и Гермиона с улыбкой наблюдала за их неуклюжими попытками завязать разговор, не зная, что они могут обсуждать, а что было признано недопустимым. Ей казалось, что она обедает с незнакомыми людьми, болтая на такие банальные и предсказуемые темы, как погода, мамино мероприятие по дегустации вин с друзьями на следующий день, растущий интерес отца к наблюдению за птицами и планы Гермионы по расширению сада, который родители до сих пор не приехали посмотреть.

.

.

.

Продолжение следует...

А пока поддержки мою книгу лайком и 5звездами, спасибо!

Приятного чтения =)

<http://erolate.com/book/4183/122873>